

Память зачем-то хранит разрозненные картины, ни с чем вроде не связанные. Но наступает момент, когда ты понимаешь, что эта далекая картинка была неслучайна, она ждала своего часа, как ждут его почки весной. Десятый класс. «Проходим» Чехова. На уроке читаем по ролям «Вишневый сад». Мне досталась роль Раневской, вовсе не потому, что я читала особенно выразительно, – просто я была лучшей ученицей по русскому языку и литературе. Учитель иногда зачитывал отрывки из моих сочинений, а то еще и меня заставлял это делать. Но не помню, чтобы меня за это не любили или дразнили. Каждому свое – зато в математике я была полный нуль. Почему-то запомнилась реплика Раневской: «Ну, посыпались...» когда она роняет кошелек. Наверно, тоже неслучайно – деньги легко уходили из моих рук. Так же легко они уходили и из рук Ольги Леонардовны Книппер-Чеховой, первой исполнительницы роли Раневской, потому что речь вовсе не обо мне, а о ней. Разве я знала тогда, что так заинтересуюсь личностью этой замечательной женщины, что захочу о ней написать?

Было время, когда я не знала об Ольге Леонардовне ничего, кроме того, что она была актрисой и женой Чехова. И этот брак мне, как и многим, казался странным. Потом мне попала в руки книга Лидии Авиловой «Чехов в моей жизни». Из нее следует, что Чехов и Авилова любили друг друга, но поскольку Лидия Алексеевна была на момент их встречи замужней женщиной и имела ребенка, никаких реальных отношений между ними не было, хотя оба понимали, что между ними происходит. Я склонна ей верить, хотя некоторые считают,

что она все выдумала. Тогда я решила, что это и была единственная подлинная любовь Чехова. И вот наконец я читаю переписку Чехова с женой, и мне открывается удивительный мир, мир двоих очень близких друг другу психологически, духовно, интеллектуально людей, мир любви счастливой и в то же время трагической, оборвавшейся на взлете. Они писали друг другу каждый день, всего каждым из них написано более 400 писем. В это трудно поверить в наше бесписьменное время – это ведь вам не на клавиатуре компьютера нащелкать. Для этого надо было взять в руки ручку со стальным пером и писать ею, обмакивая перо в чернила, запечатать письмо в конверт, наклеить марку, опустить письмо в почтовый ящик.

Кто же была эта женщина, ради которой серьезно больной писатель расстался с холостой жизнью? Ольга Книппер происходила из обрусевшей немецкой семьи. Родилась в Глазове Вятской губернии в 1868 году. Через два года семья переехала в Москву. Отец был инженером, а инженеры в то время были состоятельными людьми, так что семья жила безбедно. Мать обладала прекрасным голосом, хотела стать оперной певицей, но муж был против этого, и она полностью посвятила себя семье. Потом, когда мужа не стало и надо было зарабатывать на жизнь, Анна Ивановна Книппер стала преподавать пение в Филармоническом училище, а Ольга давала уроки музыки. Артистическая одаренность Анны Ивановны передалась детям и внукам: кроме дочери-актрисы был еще сын Владимир, оперный певец (сценический псевдоним – Нардов), внук Лев Книппер, композитор, люди старшего поколения помнят его песни – «Полюшко-поле» и «Почему медведь зимой спит», а также внучка – еще одна Ольга Книппер, актриса. Судьба сделала зигзаг, и эта Ольга тоже стала Чеховой, выйдя замуж за Михаила Чехова, актера и режиссера, племянника Антона Павловича. Но брак был недолгим, она вскоре уехала в Германию, стала известной киноактрисой.

А Ольга Книппер жила обычной жизнью барышни из «хорошей семьи» – училась в гимназии, изучала языки, рисовала, училась музыке и пению. Она была лингвистически одаренной, ей легко давались языки, в юности даже занималась переводами. В письмах Чехову впоследствии она иногда сетовала на то, что нет у нее дара слова. А дар слова у нее был – читаешь очень лиричные описания природы и удивляешься, как эта женщина сама ничего не писала. Вот фрагмент письма к Чехову, где Ольга Леонардовна описывает свое посещение Любимовки, где они с Антоном Павловичем жили летом 1902 года в имении матери К.С. Станиславского: «Я только что вернулась из Любимовки. Весь день было много впечатлений. Осенняя природа, бледное солнце, сквозной лес. Все грустно, все сжимается, угасает... Переживала свой первый приезд в Любимовку. Все свои ощущения, весь блаженный месяц... Как было все полно летом! Сочная зелень, запах сена, липового цвета, церковное пенье, колокольный звон... Как все было гармонично и как у меня на душе было тихо и полно! Повторится ли это?!» После смерти Антона Павловича она еще некоторое время продолжала писать своеобразные письма-дневники, так было легче справиться с обрушившимся на нее горем, а потом все заполнил собой театр, Московский Художественный театр, в котором она играла с самого его первого дня и до конца своей сценической жизни, которая была очень долгой.

Ее дебютом была роль царицы Ирины в спектакле «Царь Федор Иоаннович» по пьесе А. К. Толстого. Этим спектаклем открылся Москов-

ский Художественный общедоступный театр. На репетиции этой пьесы на Книппер впервые обратил внимание Чехов, зашедший в театр, там ставилась и его «Чайка», оглушительно провалившаяся в 1896 году в Петербурге. Из письма Чехова Суворину: «Ирина, по-моему, великолепна. Голос, благородство, задушевность – так хорошо, что даже в горле чешется... лучше всех Ирина. Если бы я остался в Москве, то влюбился бы в эту Ирину». Встреча эта произошла в сентябре 1898 года, писателю было 38 лет, актрисе – 30. Перед этим она с высшей наградой окончила Музыкально-драматическое училище, была ученицей Вл. И. Немировича-Данченко. Пока был жив отец, об этом нечего было и думать, если только из дома сбежать, да и мать была против, но после смерти отца все изменилось, и Ольга стала актрисой.

Дальнейшее общеизвестно: встречи в Ялте и в Москве, переписка, влюбленность, незаметно перешедшая в любовь, венчание 25 мая 1901 года в Москве при немногочисленных свидетелях, и сразу же – поездка в Аксеново, в Самарскую губернию, куда врачи отправили Чехова в кумысолечебницу. Уже тогда по поводу этого брака ходили разные толки. Говорили, например, что Книппер вышла за Чехова по расчету. Но какой мог быть расчет? У Чехова – ни богатства, ни знатного происхождения. Вышла за него, чтобы играть главные роли в его пьесах? Но она и без этого уже их играла, ведь она в то время была первой актрисой МХТ. Лучше нее никто и никогда не играл чеховских женщин, и это объяснимо – кроме таланта тут нужно было и еще кое-что, и любовь к автору играла не последнюю роль. Сама великая Ермолова плакала во время сцены прощания Маши с Вершининым, когда смотрела «Три сестры» в МХТ. Как любят у нас прицепиться к какой-нибудь фразе, вырванной из контекста, и повторять ее с завидным постоянством, да еще понимая ее буквально как, например, знаменитую фразу Чехова о такой жене, которая бы, как луна, лишь изредка появлялась на его небосклоне. Но это было сказано до знакомства с Книппер, это во-первых, и во-вторых, не надо забывать, как любил Чехов шутить. Тогда уж надо заодно верить и тому, что он жену свою бил! Вот напишет он в письме несколько предложений, полных любви и нежности, и вдруг, как бы испугавшись, что слишком увлекся, скажет – «могу тебя и побить». Слава богу, Ольга Леонардовна была умной женщиной, да к тому же еще и остроумной, и все понимала как надо, в отличие от отдельных толкователей их с Чеховым жизни.

Ведь под любовью у нас часто подразумевают страсть, для которой главное – обладание предметом страсти. От страсти и стреляются и на преступление идут – «Так не доставайся же ты никому!» Для любви же главное, чтобы любимому человеку было хорошо, желательно, конечно, с тем, кто любит, но если нет, то все равно тот, кто любит, иногда бывает счастлив только тем, что любимый человек просто живет на свете. Эрих Фромм, выдающийся социопсихолог и философ XX века, так определяет любовь: «Забота, ответственность, уважение и знание». Все это было в недолгой супружеской жизни Чехова и Книппер, причем чем дальше, тем больше. Это можно легко доказать цитатами из писем, но пусть тот, кто не верит, просто внимательно прочитает хотя бы часть этой обширной переписки.

Главный упрек, который предъявляли жене Чехова и предъявляют до сих пор – почему она не была с ним в Ялте. Но сам Чехов не хотел, чтобы она оставила сцену, ведь она была большой актрисой, и он

это понимал. Может быть, сначала он не представлял себе, насколько это будет тяжело для обоих, ведь они все больше и больше привязывались друг к другу – иначе разве были бы эти каждодневные письма? Я думаю, если бы перед Ольгой Леонардовной был поставлен выбор – Чехов или театр, она бы, без сомнения, выбрала семейную жизнь. Уже после смерти Антона Павловича она в своих письмах-дневниках писала, с какими надеждами ехала из Аксенова, где они были сразу после венчания, в Ялту, как представляла эту жизнь в Ялте без театра, искала и находила себе занятия. Но в Ялте все было не так-то просто: там были мать и сестра Чехова, для которых его женитьба была как гром среди ясного неба. Мария Павловна почему-то решила, что невестка хочет все захватить в свои руки, она сама потом в этом призналась, – боялась, что Ольга Леонардовна будет такой же, как Наташа из «Трех сестер». А ведь они с Ольгой Леонардовной уже были подругами, и вдруг такая подозрительность! Конечно, это была и ревность, ведь Мария Павловна отказалась от своей собственной семьи, делали же ей предложения. Видимо, делали не те, кто был нужен, иначе никто бы ей не помешал. Словом, жизнь в Ялте не заладилась с самого начала.

И еще я думаю, что Чехов до конца не верил, что кто-то может его настолько любить, чтобы бросить из-за него театр и Москву. Вот одно его признание: «Меня маленького так мало ласкали, что я теперь... принимаю ласки как нечто непривычное, еще мало пережитое. Потому и сам хотел бы быть ласков с другими...» Не очень-то было принято ласкать детей в мещанской среде, вот розгами наказывать – это было обычным делом. И Ольга Леонардовна тоже, видимо, не верила, что он хочет, чтобы она всегда была рядом. Каждый из них ждал, что решение примет другой. Люди так часто боятся говорить о самом для них важном, боятся открыться. И так ли уж необходимо было Чехову непременно быть в Ялте? Ведь все равно он там прожил так мало. В Ялте он тосковал не только о жене. Ему нужна была вся полнота жизни, к которой он привык в Москве. Там шли его пьесы, а он не видел их. Там была русская природа, которую он так любил, там были друзья. Вдобавок в ялтинском доме зимой почему-то было холодно, иногда всего 11-12 градусов, это разве подходящие условия для больного человека? И общеизвестно, что моральное состояние больного играет очень большую роль в течении болезни. Непонятно, как врачи всего этого не учитывали. Так что стремление сестер Прозоровых в Москву было стремлением и самого автора.

Недоброжелателям О.Л. Книппер-Чеховой нелишне было бы знать вот о таком эпизоде. Из воспоминаний М. А. Андреевой-Ольчевой: «Мне рассказывала М. П. Чехова, как Бунин приехал к ней (к О. Л. Книппер-Чеховой. – С. И.) читать свои воспоминания об А.П. Чехове. Она сидела на своем диване. Он перед ней на стуле. Вначале Ольга Леонардовна реагировала вслух на его чтение, потом все реже, тише и, наконец, смолкла совсем. Озадаченный Бунин приподнялся, взглянул пристально на нее – она была без сознания». Понял ли хоть что-нибудь Бунин? Он ведь тоже был среди тех, кто осуждал Ольгу Леонардовну.

Жаль, что она сама так мало написала и о Чехове, и о своей жизни на сцене. Но сколько писем написала за свою жизнь Ольга Леонардовна! И какие это замечательные письма! Она была человеком очень искренним, естественным, не терпящим фальши. Была доброжелательна, уступчива, миролюбива, но становилась непреклонной, когда речь шла

о вещах принципиальных. У нее был счастливый характер – она умела радоваться всему, что дарил ей жизнь. «Что делаю? Ничего. Здесь нирвана. Лежу на шезлонге с дремотной книгой, между двумя цветущими большими олеандрами, сквозь ажурную листву инжира волнуется искрящаяся синева моря, и я улыбаюсь и думаю, что я счастлива». Это фрагмент из письма, написанного в Гурзуфе в августе 1946 года. В последние годы в театре она играла очень мало – и здоровье не позволяло, и мало было ролей для нее. Главной ее любовью после театра было чтение, но под конец жизни Ольга Леонардовна очень плохо видела и не могла читать, это было для нее настоящей трагедией. Но с ней в последние годы жила Софья Ивановна Бакланова, которая заботилась о ее быте, писала под ее диктовку письма, читала ей вслух, так что брошенной и покинутой Ольга Леонардовна никогда не была. Воспоминания о ней людей, хорошо ее знавших, проникнуты искренней любовью и восхищением.

Нежная дружба связывала Ольгу Леонардовну с Марией Павловной Чеховой. Забыты были огорчения и обиды прежних лет, и когда эти женщины встречались, в их разговорах незримо присутствовал Чехов, даже если они о нем не говорили напрямую. «Машенька», «Олечка» – обращались они друг к другу в письмах. Ольга Леонардовна пережила Марию Павловну на два года, но она была моложе ее на пять лет. К тому же ведь и родственники были у Ольги Леонардовны – племянники и внучатые племянники. С Ольгой и Адой, дочерьми старшего брата, жившими за границей – первая в ФРГ, вторая в ГДР – Ольга Леонардовна поддерживала отношения. Ада переводила их с Чеховым переписку на немецкий язык. А в Москве были племянники Лев и Владимир Книпперы, двоюродные братья. Последнему Ольга Леонардовна в какой-то степени заменяла мать, умершую, когда мальчику было тринадцать лет. А племянник, по его собственному признанию, был трудным подростком. Когда он уходил на фронт, Ольга Леонардовна дала ему портсигар, который спас Владимиру жизнь. Пуля угодила как раз в портсигар, на нем осталась вмятина от этой пули. В конце жизни Владимир Книппер написал книгу «Пора галлюцинаций», в которой рассказывается о его семье. Книга вышла в 1995 году, а в следующем году Владимир Книппер умер.

Мне вдруг захотелось почитать «Трех сестер» и «Вишневый сад», тем более что «Трех сестер» я вряд ли читала. Смотреть – смотрела, но не читала. Прочитав, я вдруг осознала, что Ольга Леонардовна очень похожа на Машу из «Трех сестер», слишком много совпадений, чтобы с этим не считаться. Пьеса писалась в 1900 году. Летом этого года в письмах Чехова и Книппер появляется «ты» вместо «вы». «Мне все кажется, что отворится сейчас дверь и войдешь ты. Но ты не войдешь, ты теперь на репетициях или в Мерзляковском переулке, далеко от Ялты и от меня. Прощай, да хранят тебя силы небесные, ангелы-хранители. Прощай, девочка хорошая», – пишет Чехов в августе 1900 года. Пьеса была написана вскоре после отъезда Ольги Леонардовны из Ялты. Когда душа человека полна любовью, особенно в самом начале этой любви, то все существо любящего буквально пронизано образом любимого или любимой и накладывает отпечаток буквально на все – общими становятся какие-то выражения, слова, жесты. И поэтому неудивительно, что Маша получилась такой похожей на Книппер. И вряд ли случайно старшую сестру зовут Ольгой, которая весьма напоминает чеховскую

сестру – преподает в гимназии (и Мария Павловна в Москве работала в гимназии), не замужем, хоть уже под тридцать. Получился этакий перевертыш. Да и младшую сестру, возможно, неслучайно зовут Ириной – ведь первой ролью Книппер в МХТ была царица Ирина, а первой чеховской ролью – Аркадина, которую звали Ириной Николаевной. Но, может, я уж слишком расфантазировалась.

В Маше и Ольге Леонардовне и сходство психологическое – обе искренние, порывистые, страстные. Похожи они и своеобразием речи, и любовью к чтению – Маша в пьесе с книгой, и Ольга Леонардовна не мыслила себя без чтения. Маша музыкантша, и Ольга Леонардовна играла не только на рояле, но и на фисгармонии. Маша владеет тремя языками, как и ее сестры, и Ольга Леонардовна знала три языка, а главное – обе способны безоглядно отдаться стихии любви, а там будь что будет. Недаром Маша была не только самой любимой ролью актрисы, но и лучшей ее ролью. Вот очень характерный эпизод, показывающий, как дорога была Ольге Леонардовне роль Маши. МХТ был на гастролях в Софии. В «Трех сестрах», как известно, в конце пьесы играет военный оркестр, когда полк покидает город. И вот репетиция с оркестром, и этот оркестр играет какой-то бравурный прусский марш, совершенно не подходящий к атмосфере пьесы. Ольга Леонардовна пронеслась по сцене, «как раненая черная птица», подбежала к музыкантам, что-то горячо им говорила, потом убежала в свою гримборную. Там ее нашли плачущей. «Ну как же можно так, ну что же это, какой ужас, ведь так умереть можно... – говорила она всхлипывая». Это был вовсе не каприз первой актрисы – ей невыносимо больно было слышать фальшивую ноту в тонкой ткани чеховской пьесы. В. И. Качалов насвистал оркестрантам марш из «Трех сестер», они его быстро разучили, и все наладилось.

А любовь Ольги Леонардовны к чтению становится явной сразу же, как только начинаешь читать ее письма. Она читала на трех иностранных языках: французском, немецком и английском. Ну и говорила на них, разумеется. В 1922–1924 годах МХТ был на гастролях в Америке, причем оба раза очень подолгу. В это время Ольга Леонардовна заговорила по-английски, и не только заговорила, но и стала читать со сцены Чехова по-английски. В одном из писем она сообщает, как во время чтения спросила после абзаца: «Do you understand me?» – в ответ раздались аплодисменты. Значит, произношение было хорошим. Еще бы оно не было хорошим, ведь она была очень музыкальна, а хороший музыкальный слух очень важен при овладении иностранным языком. Все, что могла, она читала на языке автора. Как я ее понимаю! Я сама по-настоящему полюбила Мопассана только после того, как смогла читать его по-французски.

Из воспоминаний В. В. Шверубовича, сына В. И. Качалова, который приводит эпизод из гастролей МХТ в Новороссийске: «Февраль 1920 года, свирепо завывает норд-ост, настроение у обитателей вагона мрачное... И в резком, поражающем контрасте со всеми – она, наша дорогая “герцогиня”: она сидит в центре теплушки, она не ищет угла, не жметя к стенке, как другие... Сидит прямо, ни к чему не прислоняясь (она так сидела и на 91-м году жизни), на своем чемодане, а на поставленном рядом “на попа” другом чемодане расстелена белоснежная салфетка, на ней свечка в фарфоровом подсвечнике и книга в сафьяновом золоченом футляре-супербложке, в книге заложен разрезной нож слоновой

кости. Колени Ольги Леонардовны прикрыты одеялом из лисьих шкур, на плечах белый пушистый оренбургский платок».

Но настало время, когда Ольга Леонардовна не могла уже играть Машу в силу возраста.

Вспоминает М. О. Кнебель, актриса и режиссер: «Это было в день премьеры “Трех сестер”. Машу играла А. К. Тарасова. Я пришла в театр, чтобы поздравить товарищей. Приближался конец спектакля. В пустом темном коридоре я увидела Ольгу Леонардовну. Она стояла, прижавшись лбом к стене. Она плакала. Я уже подошла слишком близко, и уходить незамеченной было поздно. Она меня увидела. “Все прошло, все прошло”, – сказала она, утирая слезы и улыбаясь. Вот она, чудная чеховская женщина, подумала я. А за кулисами Ольга Леонардовна заходила к актерам и ласково поздравляла всех». Это была новая постановка «Трех сестер», сделанная Вл. И. Немировичем-Данченко в 1940 году.

«Вишневый сад» меня очаровал не меньше «Трех сестер». Писался он Чеховым очень трудно – ведь жить ему оставалось совсем немного. Когда читаешь в письмах, как Ольга Леонардовна уговаривает его писать, думаешь: да что же она, не понимает, что ему уже не до этого? Но не надо обвинять ее в бездушии: она не знала о действительном положении дел со здоровьем Чехова, да и никто не знал, кроме врачей. Вот его отношение к болезни своей для меня является загадкой, да и не только для меня, наверное. Что это было? Боязнь взглянуть правде в лицо, надежда на то, что все как-нибудь образуется, легкомыслие и самонадеянность молодости? Не знаю, излечивался ли тогда туберкулез, если лечение начиналось на ранней стадии болезни. Но даже если не излечивался, то хотя бы жизнь продлевалась. Я думаю, что одной из причин была ответственность Чехова за семью. Он как взвалил на себя эту ношу, так и нес ее до конца жизни. А чтобы лечиться, нужны были деньги, а денег было мало, и главным их добытчиком был он, а не отец или старшие братья. Читаешь письма Чехова к брату Александру, который был старше его на пять лет, и возникает ощущение, что не младший брат пишет старшему, а наоборот. Александр был человеком талантливым, но слабовольным, у него случались запои. В одном из писем Антон Павлович строго отчитывает брата за его недостойное поведение в своей семье – видимо, насмотрелся, пока гостил у него в Петербурге. «Как бы ничтожна и виновата ни была женщина, как бы близко она ни стояла к тебе, ты не имеешь права сидеть в ее присутствии без штанов, быть в ее присутствии пьяным, говорить словеса, которых не говорят даже фабричные, когда видят около себя женщин. Приличие и воспитанность ты считаешь предрассудками, но надо ведь щадить хоть что-нибудь, хоть женскую слабость и детей – щадить хоть поэзию жизни, если с прозой уже покончено». В этом же письме есть слова, которые меня поразили: «Лучше быть жертвой, чем палачом». Не принес ли Чехов себя в жертву семье? Хотя он сам ответил бы на этот вопрос отрицательно. Что теперь гадать задним числом, как все могло бы быть, но ведь не зря сказано: характер – это судьба.

Раневскую в «Вишневом саде» Ольга Леонардовна играла очень долго, более 35 лет. Изначально Раневская задумывалась Чеховым как пожилая женщина, и Ольге Леонардовне эта роль не предназначалась. Но потом она все молодела и молодела, и в пьесе ей, надо полагать,

не более сорока лет или чуть больше, если у нее дочь Аня, семнадцатилетняя девушка. Тогда было другое отношение к возрасту: женщина за сорок считалась чуть ли не пожилой. Когда Ольга Леонардовна впервые вышла на сцену в роли Раневской, она была моложе своей героини – ей было тридцать пять лет. Есть радиозапись фрагмента этого спектакля из аудиокниги «Ольга Книппер-Чехова», из серии «Великие исполнители». Запись сделана в 1949 году, то есть актрисе там уже 80 лет. В театре Раневскую она уже не играла. Это сцена Раневской с Петей Трофимовым, томительное ожидание известия о судьбе усадьбы и вишневого сада. Ни за что не подумаешь, что слышишь голос очень пожилой женщины. Думаешь – вот именно так говорили в Москве образованные люди в конце XIX – начале XX века. Веет непередаваемым ароматом давно ушедшей жизни... Если этот голос очаровывает, когда обладательнице его 80 лет, то как же волшебным он звучал, когда Ольга Леонардовна была молодой...

Эти заметки я начала писать задолго до планируемой поездки в Ялту. Так получилось, что я, прожив некоторое время в Ялте, всего один раз побывала в доме Чехова. Когда еще работала в «Интуристе», музей был закрыт на ремонт. Потом в один из приездов я побывала там, но это было так давно! И вот наконец я иду по крутой ялтинской улочке к дому Чехова. Сначала смотрю фотоэкспозицию, расположившуюся в специальном здании, а не в самом доме. Многие фотографии давно знакомы по книгам о Чехове, многие видела в Интернете. Среди них одна, которая поразила меня: на ней Ольга Леонардовна в черном платье сидит в кресле с выражением глубокой печали в глазах. Я видела это фото и раньше, на нем дата – 1904 год, то есть год смерти Чехова, но фото сделано до 15 июля или после? Оказалось – после, под фото подпись – «О.Л. Книппер-Чехова в траурном платье». Но раньше я не знала этого, лишь догадывалась, а теперь убедилась, что была права. Мне хотелось подарить музею свою книжку, в которой есть стихотворение «Чеховский мотив», а также еще два «чеховских» стихотворения, написанных уже после выхода книги. Я встретила с Натальей Григорьевной Ничипорук, старшим научным сотрудником музея. Она встретила меня очень доброжелательно и приветливо, мы немного поговорили с ней. Меня провели по музею, но очень быстро, я ничего не успела почувствовать. Потом я сидела в саду, где до сих пор живы посаженные Чеховым кедры, бамбуковая рощица, кипарисы и где журчит ручеек, который так же журчал более ста лет назад, когда только еще появился этот белый дом, такой необычный, не похожий ни на один ялтинский дом, красиво-асимметричный и изящный.

На следующий день я поехала в Гурзуф, чтобы увидеть еще один музей Чехова, его дачу, купленную в 1900 году, а в 1901-м завещанную им Ольге Леонардовне, когда та была уже его женой. Этот небольшой домик принадлежал Ольге Леонардовне до 1958 года. В 1958 году она продала его художнику Мешкову, а впоследствии он стал принадлежать Союзу художников. В последний раз Ольга Леонардовна была в Крыму в 1954 году, наверное, и в своем любимом Гурзуфе побывала. Накануне в доме Чехова я узнала, что гурзуфский музей недоступен из-за каких-то киносъемок, но все же решила поехать хоть издали на него посмотреть. Но музей был открыт, никаких съемок там не было.

Маленький домик приютился на кромке высокого обрывистого берега. Перед домом – небольшая площадка с парапетом из дикого камня, калитка, у которой стояла по вечерам Ольга Леонардовна. За калиткой – крутой спуск к морю, уютная бухточка, камни, прозрачная вода. Видны Адалары – две скалы в море, одна из достопримечательностей Гурзуфа. В домике всего четыре комнаты – в трех из них разместилась фотоэкспозиция, и только одна является собственно музейным помещением, это спальня Ольги Леонардовны. В эту комнатку можно только заглянуть через небольшое окошко. Кого только не видели эти старые стены! Тут гостили родственники Ольги Леонардовны, артисты, писатели, музыканты. А сколько там уникальных фотографий! Издать бы альбом хоть с небольшой частью их, цены бы ему не было. А мне больше других понравилась та фотография, на которой Ольга Леонардовна с внучатым племянником Андреем Книппером, которого она очень любила. На фотографии очень пожилая женщина, ей тогда было уже около 80 лет, но глаза такие молодые, а в них столько любви и нежности к юноше, прижавшемуся щекой к ее щеке. Именно ему адресовано последнее из ее опубликованных писем, даже и не письмо, а всего несколько строчек, может, это была открытка, потому что написано это как раз в день рождения Андрея, за месяц до смерти Ольги Леонардовны. Если письмо сохранилось, значит, он любил свою двоюродную бабушку. Андрей Львович Книппер – ученый, академик РАН. Он умер совсем недавно, в 2010 году. В 1963 году у него родилась дочь, которую назвали Ольгой, таким образом, это была уже третья Ольга Книппер.

Я долго сидела на барьере из дикого камня, огораживающем площадку перед домом. Гурзуф мне кажется одним из самых живописных мест Крыма с его Аю-Дагом, похожим на медведя, лежащего на берегу, с его скалами-близнецами, с его уютной бухтой. С моря дул ветерок, сияло солнце, вода внизу была абсолютно прозрачной. В какой-то момент я испытала странное и необычное ощущение, которое и сразу вряд ли бы описала точно: как будто какая-то сила очень мягко подняла меня, немного подержала и как бы покачала на волнах, а потом бережно опустила. Может, души прежних хозяев этого домика почувствовали, что пришел человек, их любящий и помнящий?

В свой предпоследний день в Ялте я еще раз побывала в доме Чехова, на этот раз с полноценной экскурсией. Когда мы уже осмотрели комнату, в которой жила Ольга Леонардовна в свои приезды в Ялту, я попросила разрешения прочитать посвященное ей стихотворение, как раз был день ее рождения, 21 сентября. Конечно же, мне позволили это сделать. Я делала это не из тщеславия и вообще не для себя, я делала это для Ольги Леонардовны и Антона Павловича. Только вечером, уже лежа в постели, я осознала как следует, что это такое было – сразу, сгоряча, как-то не поняла. Это был счастливый момент жизни, который не забудется никогда, как не забудется венецианское окно с цветными стеклами в чеховском кабинете, резная дверь из кабинета в спальню, этюд Левитана на камине. В чеховском доме витал какой-то трудноопределимый запах, я бы назвала его ароматом вишневого сада, того самого, который расцвел здесь под пером писателя в 1903 году и который до конца жизни хранила в душе Ольга Леонардовна Книппер-Чехова.